

1) В обоих языках много совпадений среди исконных фразеологических единиц. Они отражают бычач народа, исторические социальные корни, реалии, поверья, предания и т. д. К ним относятся, например, мар. *шинча возаш* — удм. *син усъкытыны* 'сглазить'. 2) Наибольшую группу составляют соматические фразеологизмы: мар. *кужу кидан* — удм. *кыыз кузь 'вор'*; мар. *кидише толеш* — удм. *кыыз мынэ 'мастер дела'*. Не лишним было бы, однако, указать в списке литературы источник удмуртских примеров.

В. К. Кельмаков в статье «Замечания и дополнения к «Уральскому этимологическому словарю» I (Выпуски II и III)» информирует об удмуртском материале,

который представлен в двух выпусках, и критически осмысливает с позиций удмуртского языкознания отдельные словарные статьи.

Сборник включает статью о видном финно-угроведе, профессоре Удмуртского университета И. В. Тараканове, посвященная 60-летию со дня его рождения.

Материал сборника представляет интерес не только для ученых филологов, но и для преподавателей, учителей, студентов, для всех интересующихся состоянием удмуртского языкознания. Некоторые неточности, опечатки технического характера не умаляют его значения.

А. А. АЛАШЕЕВА (Ижевск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1992.2.13>

М. Кузнецова, Названия диких домашних животных в марийском языке. Магистерская работа, Тарту 1991.

29 декабря 1991 г. в Тартуском университете состоялась защита диссертации М. Кузнецовой на ученую степень магистра философии. Событие неординарное для марийского языкознания — первая и пока еще единственная защита по марийскому языку на звание магистра философии, проведенная в зарубежной стране Эстонии.

М. Кузнецова — ныне преподаватель кафедры иностранных языков Марийского университета, в недалеком прошлом аспирантка кафедры финно-угорских языков Тартуского университета, ученица известного финно-угроведа профессора П. Альве, под чьим научным руководством и выполнено исследование. Официальными оппонентами на защите были доктор филологических наук профессор А. Кюннап (Тарту), доктор филологических наук профессор И. Иванов (Йошкар-Ола), кандидат филологических наук П. Кокла (Таллинн).

В период учебы в аспирантуре Тартуского университета М. Кузнецова выполнила интересное исследование объемом в 310 машинописных страниц. В качестве объекта она выбрала тему, которая долгое время оставалась вне поля зрения исследователей — названия диких и домашних животных. Выбор темы не случаен и своевременен. Марийцы, народ с незапамятных времен связанный с ле-

сом и проводивший большую часть жизни в лесу, конечно же, не могли равнодушно созерцать окружающую их фауну. Нередко жизнь семьи, ее благополучие в те далекие времена зависели от окружающего животного мира. И сейчас животноводство — одна из основных сфер их производственной деятельности. Древний мариец, безусловно, хорошо знал окружающую его природу, фауну, повадки зверей и способы их добычи. Все это, естественно, отразилось в его языке.

В марийском языке имеется довольно много названий животных — все обитающие в крае животные получили свои наименования. Автор обнаружила в марийском языке более 400 слов, представляющих разные виды диких и домашних животных. До этого точно не было известно, какую долю в лексическом богатстве марийского языка занимают зоонимы. Это, несомненно, большая заслуга молодого исследователя. Ею выявлены, собраны и приведены в систему, можно сказать, все названия, встречающиеся в языке, включая самые малоизвестные диалектные варианты. Важное научное значение имеет выявление исследователем всех возможных вариантов того или иного зоонима — как опубликованных, так и неопубликованных. Некоторые варианты представлены десятками единиц (например, № 2, 8, 17, 57, 81, 88, 111, 116, 125

и т. д.). Это свидетельствует о том, что М. Кузнецовой просмотрено, изучено и проработано большое количество литературы, диалектологических записей, хранящихся в архивах различных научных учреждений, что демонстрирует и список источников, представленный в приложении № 5 (с. 291—295). Нельзя не отметить также ее компетентность в вопросах современной фауны марийского края и состояния ее в древности.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и нескольких приложений, представляющих собой наглядную иллюстрацию полученных выводов. Приведены также карты распространения того или иного зоонима по диалектным группам.

Большую часть исследования (174 с.) составляет первая глава, посвященная этимологической и лингвогеографической характеристике названий животных, где дан компетентный анализ 412 марийских зоонимов, каждый из которых сопровождается всеми зафиксированными фонетическими вариантами. Включение фонетических вариантов в данную работу на первый взгляд может показаться излишеством. Но это только на первый взгляд — ведь фонетические варианты, во-первых, дают возможность более достоверно установить этимологии зоонимов; во-вторых, конкретизируют картину распространения названий по диалектам и, в-третьих, в какой-то мере позволяют проследить историю их развития, изменения, прошедшие с момента фиксации, так как они поданы в хронологическом порядке. Полный перечень всех вариантов любого явления — это уже весомый вклад в науку.

Заслуга автора перед финно-угроведением — собрание в таком полном объеме зоонимов марийского языка, впервые представленное в концентрированном виде, а также внушающая доверие этимологизация, основанная на обобщении данных предыдущих исследований. При решении научной проблемы любой ученый, естественно, не может не опираться на изыскания своих предшественников. Заслуга М. Кузнецовой — удачное обобщение этих исследований с привлечением достижений современной финно-угроведческой науки и подача их через призму своего понимания фактов.

Необходимо отметить, что она, есте-

ственно, не могла и не должна была согласиться со всеми этимологиями, предложенными ранее. М. Кузнецова внесла в них существенные и, на наш взгляд, верные коррективы, привлекая дополнительные данные как из марийского, так и из других родственных и неродственных языков. 12 названий этимологизируются здесь вообще впервые — *ишаньык* (№ 221), *киска* (№ 54), *цымыни* (№ 19), *мёмё* (№ 96), *йывак* (№ 129) и т. д. 27 зоонимов получили иную, отличающуюся от прежних толкований, интерпретацию, среди них — *маска* (№ 88), *коля* (№ 309), *мераг* (№ 236), *нерге* (№ 132), *шордо* (№ 194), *шоршо* (№ 2), *сёсна* (№ 173), *вольык* (№ 345), *пача* (№ 232), *туна* (№ 219) и др. С предлагаемой трактовкой вполне можно согласиться. Убедительной представляется рецензенту, например, этимология слова *маска* (№ 88), которая выводится из некогда существовавшего в марийском языке слова *мес* (> *мёс*, *мас*) + суффикс *-ка*. То, что подобное слово когда-то существовало в марийском языке, нам кажется, несомненно, доказывают это и косвенные сведения, в частности топонимы (*Карамас*, *Ашламаш* и т. д.). Или название *шордо* (№ 194), выводимое из *шур* 'рог' + суффикс *-та*. Думается, и здесь не должно быть сомнений в том, что оно связано с понятием 'рогатый', данные языка свидетельствуют в пользу такой трактовки.

Среди этимологий данной главы у рецензента вызывает сомнение только одна — *летешка*, выводимая из рус. *летяга*. На первый взгляд этимология представляется достаточно прозрачной. Тем не менее у рецензента возникает вопрос: не просматривается ли здесь какая-либо связь с финно-угорскими корнями? Хотя бы с эст. *lendama*, морд. *ливтнем* 'летать' и т. д.

В целом необходимо подчеркнуть, что слова этимологизированы добросовестно и со значительной долей достоверности. Хотелось бы в дополнение к приведенным вариантам предложить некоторые названия: *шорык маска* 'медведь-муравейник', *шлам шорык* 'овца, объегнившаяся в первом году', *слан* 'яловая (о корове)', *латышка* (вариант слова *летешка*) 'белка-летяга', отсутствующие в работе, а также слова *ломышаш* 'блеять, мычать', *логаш* 'бодаться'. Имеется еще ряд слов, не

представляющих собой названия животных, но имеющих отношение к ним. Они связаны с повадками, образом жизни, обитанием, способом ловли животных и т. д. Слова эти могут предоставить неоценимый материал для этимологизации зоонимов, установления связей их с другими родственными языками. К сожалению, такие слова остались вне поля зрения исследователя.

Второе замечание по главе касается оформления названий: здесь отсутствует единообразие, многие сложные образования даны как составные, например, *йожекшинча* (с. 159) слитно, но аналогичное *важык шинча* — раздельно.

Наконец, наверное, не было необходимости включать в список зоонимов выражения типа *шбран шолдыра вольык*, *европейский пйчб*, *коя кутанан шорык*, они не характерны для марийского языка, представляют собой искусственные образования.

Во второй главе, посвященной системе названий диких и домашних животных в марийском языке, анализируется происхождение зоонимов, дается словообразовательная и семантическая характеристика их. Автор обнаруживает здесь достаточное знание истории появления животных на территории проживания марийцев, подтверждает знакомство марийцев с дикими и домашними животными еще в древние времена, опираясь на археологические и лингвистические данные. Достаточно анализирует она различные по происхождению пласты названий животных, выделяя общешинно-угорские (27 названий), заимствованные из разных языков, главным образом, из тюркских и русского (91 название), собственно марийские слова — самый значительный слой (294 названия — 71%). Подсчитаны процентные соотношения их в общем зоонимическом пласте марийского языка. Это сделано в научной литературе впервые. Такие данные представляют интерес и с точки зрения влияния соседних народов на занятия марийцев, связанные с животноводством, которые, по сведениям автора, вопреки утверждению некоторых занимают весьма незначительное место. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить цифры — всего 22% заимствованных названий и 78% собственных (включая общешинно-угорские).

С точки зрения формирования лексики марийского языка заслуживает внимания раздел, где рассматриваются словообразовательная и семантическая характеристика марийских зоонимов (с. 220—235). Исследователь установила, что деривация не характерна для марийской зоонимической терминологии. В длинном списке она обнаружила только 26 названий, образованных при помощи суффиксов, причем и они устанавливаются только этимологически. Остальные названия либо сложные, либо составные термины, что в общем-то находится в соответствии с общей тенденцией развития марийской лексики. Наблюдения М. Кузнецовой говорят о том, что многие названия животных образовались еще в эпоху несформировавшихся современных словообразовательных моделей марийского языка.

Своеобразно проведен лингвистический анализ составных зоонимов. Для установления словообразовательных моделей использован новый метод — введение в оборот особых семантических формул. Для марийских зоонимов выведено 15 таких формул, из которых почти половина (7) — продуктивны. Характеристика ономастических названий, таким образом, в марийском языкознании осуществлена впервые. Приведен количественный подсчет зоонимов, образованных по каждой модели. Результаты очень интересны и наводят на некоторые размышления относительно образования слов в марийском языке вообще.

Исследуя зоонимию в марийском языке, автор обратила внимание на одну особенность — высокую синонимичность марийских зоонимов, причем она тем больше, чем шире обитание животного и чем важнее его роль в жизни человека. С первой частью утверждения, по-видимому, следует согласиться. Что касается второй части, то здесь наблюдается скорее всего обратное.

По второй главе у рецензента только одно небольшое замечание. На с. 312 написано: «Общераспространенными в марийском языке (исключая иногда горное наречие) являются...» Далее перечисляются названия животных, причем как раз и те, что не являются общераспространенными: *маче*, *йорга*, *явага*, *маймыл*, *арслан*, *паран*, *эшак*. Перечисленные слова употребляются только в отдельных

диалектах, главным образом, в восточных, где сильнее влияние татарского языка.

В целом работа оставляет хорошее впечатление. Исследование выполнено со знанием дела, автор обнаружила глубокие знания проблем зоонимии, досконально изучила весь комплекс вопросов, связанных с финно-угорской зоонимией, владеет методикой этимологического исследования. Выводы ее имеют существенное значение для выяснения путей формирования марийской лексики, дают научно обоснованный материал для решения проблем, связанных с функционированием отдельных групп марийской ономастологии. Работа

представляет также интерес для всей финно-угроведческой науки, в частности при анализе древнейших контактов финно-угорских языков с языками Волго-Камского ареала.

Материалы могут быть практически использованы при изучении древней истории марийского народа, в составлении этимологического, терминологического и других словарей марийского, а также других финно-угорских языков. Работа может послужить делу научного упорядочения марийской зоонимической терминологии.

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

DAS SYMPOSIUM «FINNISCH-UGRISCHE SPRACHEN ZWISCHEN DEM GERMANISCHEN UND DEM SLAVISCHEN SPRACHRAUM»

Mit diesem Symposium beging man vom 13. bis 15. November 1991 an der Universität Groningen das 25jährige Bestehen des Finnisch-ugrischen Instituts (Vakgroep Finoegristiek). Die Thematik des Symposiums ließ eine direkte Verbindung mit der Entstehungsgeschichte des Instituts erkennen. Die Einführung eines Studiums der Fennistik und Finnougristik an der 1614 gegründeten Universität Groningen im Jahre 1966 ist dem Germanisten Andries Dirk Kylstra zu danken, dessen Doktordissertation «Geschichte der germanisch-finnischen Lehnwortforschung» (Assen 1961) eine Zusammenfassung der bisherigen Forschungsergebnisse über die germanisch-ostseefinnischen Sprachkontakte darstellte. Anfangs immatrikulierte man Studenten der holländischen Philologie, Skandinavistik und Germanistik, ab 1974 wurde es auch möglich, die finnische und ungarische Sprache als Hauptfach zu studieren, und damit besitzt die Universität Groningen eine Studienrichtung, die sowohl für die Niederlande (übrigens liegt die Stadt nach der geographischen Auffassung der Holländer keinesfalls in Holland, sondern vielmehr östlich davon) als auch für die Benelux-Staaten einmalig ist. In der Finnougristik hat sich die Universität

Groningen vor allem als Forschungszentrum der früheren germanisch-ostseefinnischen Sprachbeziehungen einen guten Ruf geschaffen, für den neben dem emeritierten Prof. A. D. Kylstra auch die Fennisten Sirkka-Liisa Hahmo und Osmo Nikkilä sowie der Kylstra-Schüler, der Germanist Tette Hofstra (der mit seiner Doktorarbeit «Ostseefinnisch und Germanisch. Frühe Lehnbeziehungen im nördlichen Ostseeraum im Lichte der Forschung seit 1961» (Groningen 1985) den Anschluß an Kylstras Dissertation herstellte) viele Jahre ihr Bestes gegeben haben.

Bei der Eröffnung des Symposiums machten der Rektor der Universität Prof. Dr. S. K. Kuipers, der Leiter des Finnisch-ugrischen Instituts Prof. Dr. L. Honti und Prof. emer. A. D. Kylstra aus ihrer Sicht Ausführungen über vergangene, gegenwärtige und zukünftige Freuden und Leiden des Instituts.

Die Thematik der fünf Sitzungen gliederte sich in drei Schwerpunkte: finnougrisch-indoeuropäische Kontakte, finnougrisch-germanische Kontakte und finnougrisch-slavische Kontakte.

Der wissenschaftliche Teil des Symposiums wurde mit einer Betrachtung der finnougrisch-indoeuropäischen Kontakte